

Лит. Россия, 1981, 30 авг.

ТОЧНЫЙ ПОДХОД

Юрий Зубков. «Драмы и комедии Николая Терентьева». Чувашское книжное издательство. Чебоксары. 1980. 72 стр. 25 коп.

НАРОДНЫЙ писатель Чувашии Николай Терентьев принадлежит к тем драматургам, чьи пьесы отличает особое пристрастие к внутреннему миру современника.

Николай Терентьев зарекомендовал себя с самого начала своего творческого пути ищущим, беспокойным драматургом. Первые же его пьесы — «Летать начинают с земли», «Что же такое счастье», «Кукушка все кукует», поставленные в Чувашском академическом театре драмы (Н. Терентьев, кстати, и сам был актером), получают широкое признание зрителя и критики. И, как показало время, они стали этапными в развитии и чувашской драматургии, и национального сценического искусства.

В чем своеобразие творчества драматурга, что обеспечивает живой интерес театров, зрителей, читателей к его пьесам? Эти и другие, не менее важные для создания творческого портрета драматурга вопросы поставлены и разрешены в книге Юрия Зубкова.

Прежде всего автор выделяет национальное своеобразие творчества Н. Терентьева, оговариваясь в то же время, что пьесы его «напрочь лишены черт национальной замкнутости». Подчеркивая его особое пристрастие к повседневному течению народной жизни, умение в драматических и комических коллизиях вскрывать противостояние добра и зла, света и тьмы, критик опирается на мысль, высказанную еще В. Г. Белинским: «...если изображение жизни верно, то и народно». «В драматургии Н. Терентьева уловлен и образно передается самый дух народной жизни, ее поэзия и проза», — пишет автор и подтверждает это многими примерами, тонкими и точными наблюдениями.

Ю. Зубков прав, выделяя в особый раздел своей книги две пьесы Н. Терентьева, посвященные В. И. Ленину. И дело не только в значительности темы, в мастерстве драматурга, с которым он раскрыл образы юного Володи Ульянова и В. И. Ленина в зре-

лые годы, образы И. Н. Ульянова, чувашского просветителя И. Я. Яковлева и другие дорогие нашему зрителю образы, но и в том, что пьесы объединяются историей становления национального самосознания чувашей, приобщения к культуре. Исследователь подчеркивает стержневую мысль обеих пьес: «Человек выше своей судьбы». И рядом с историческими фигурами встает в них «коллективный портрет солдат и строителей нового мира», ибо драма «вбирает в себя богатство тех коллизий и взаимоотношений людей, которые выражали собой эпоху».

Значительное место в книге занимает анализ пьес, посвященных современности, — «Эти разные люди», «Грех» и других. Драматургическое своеобразие Н. Терентьева, пожалуй, сформировалось в пору критики несостоятельности теории бесконфликтности. Не потому ли его произведения так остроконфликтны, не потому ли их герои вступают в непримиримое противоборство со злом? В сценической истории его пьес не один пример, когда спектакль обретал жизнь в горячих спорах. И критик верно вскрывает эту сторону творческого почерка драматурга: «В каждой пьесе в смертельном поединке схватываются добро и зло. В каждой драматург дает бой проявлениям собственнического, корыстного мира».

Книга Ю. Зубкова с его точным и профессиональным подходом к творчеству драматургического писателя, с его глубоким анализом и убедительными выводами еще раз показывает значительность деятельности «местных драматургов», которые вносят существенный вклад в развитие советского многонационального театрального искусства.

Ф. РОМАНОВА,
кандидат искусствоведения

ЧЕБОКСАРЫ